

Ци Фэйжань никогда не видел, чтобы у человека из каждого глаза одновременно катились две крупные слезы. Он смотрел на Линь Шисиня, из глаз которого лились слезы, со смесью боли и смеха, не зная, что сказать. Он никогда не знал, что существует такая несправедливость, и мог только беспомощно обнимать его, похлопывая по спине, и вздыхая:

— Я более невиновен, чем Мэн Цзяннью.

— Это Доу Э, — поправил Линь Шисинь.

— Ладно, Доу Э, — Ци Фэйжань положил его себе на колени, одной рукой обнял, а другой вытирал слёзы. — Вот что, я клянусь, если я спал с тем человеком, то моя мама... эх, моя мама уже умерла, так что... после смерти я больше не увижу свою маму, ладно?

Ци Фэйжань никогда не клялся, но в фильмах люди обычно клялись собой или своей матерью. Он сам не ценил свою жизнь, поэтому пришлось вспомнить умершую мать.

— Ладно? У меня больше нет ничего важного, — Ци Фэйжань задумался на мгновение, затем обнял его и спросил:

— Или, если я совру, то я больше никогда тебя не увижу, ладно?

Линь Шисинь знал, какое место занимала мать Ци Фэйжана в его сердце. Он смотрел на него, как бы заново оценивая.

В конце концов, Линь Шисинь с плачем обнял Ци Фэйжана, крепко обхватив его шею руками, как будто он держал единственное, что у него было. Он закрыл глаза, и слёзы катились по его лицу.

Он знал, что сошёл с ума, но он поверил.

— Потом ты сам ушёл из Грин Мэнора? — спросил Ци Фэйжань.

— Ну, а что мне ещё оставалось делать в такой ситуации, — ответил Линь Шисинь.

— Почему ты не вышел и не спросил меня? Если бы это был я, я бы...

— Я бы сразу выскочил и устроил тебе сотрясение мозга? — с раздражением сказал Линь Шисинь.

Ци Фэйжань усмехнулся:

— В любом случае, я бы не стал делать вид, что ничего не заметил, и так долго молчать. Ты же каждый день, видя меня, был в бешенстве?

Линь Шисинь:

— Я не могу объяснить, почему, но знал... что если бы я тогда вышел и всё тебе выложил, многое было бы непоправимо. Знаешь, некоторые женщины, чтобы сохранить мужа, делают вид, что не замечают его измен...

Ци Фэйжань не знал, что у Линь Шисиня есть такая слабая сторона. В его представлении Линь Шисинь был человеком, который всегда шёл напролом, никогда не избегал конфликтов.

Оказывается, любовь может сделать даже такого уверенного человека робким, оказывается, он тоже боялся потерять его.

Ци Фэйжань обнял Линь Шисиня, устроил его поудобнее у себя на коленях и нежно поцеловал в лоб:

— У меня нет ничего, что нельзя было бы обсудить. По сравнению с тобой, я больше боюсь, что что-то случится, и наши отношения испортятся...

— Тогда скажи мне, почему ты играл с Доу Ци в карты, ставя на кон меня? — Линь Шисинь вытащил занозу, которая сидела у него в сердце.

— Это он сказал, я тогда уже был зол, иначе бы не играл на такие ставки.

— А если бы ты проиграл, мне пришлось бы пить с Доу Ци? А если бы он захотел меня? Ты бы просто смотрел?

— Что за глупости, — Ци Фэйжань был в недоумении. — Кто сказал, что проигравший должен выполнять условия? Я бы просто надул.

Линь Шисинь засмеялся:

— ...Я вижу, ты настоящий негодяй.

— Ты ещё не видел меня в худшем виде.

—

Вскоре после выписки Линь Шисинь вернулся в школу и получил долгожданное письмо о досрочном зачислении в Университет А. Он успешно прошёл все этапы: первое место в конкурсе сочинений Т. S, результаты трёх пробных экзаменов, звание лучшего студента провинции и проверку биографии родителей. Его место было уже гарантировано.

— Факультет журналистики и редакции, — читал Ци Фэйжань письмо о зачислении. — То есть ты всё ещё будешь заниматься этим опасным делом? Тайными расследованиями? Ловить плохих парней?

— Не обязательно, некоторые журналисты работают на передовой, а некоторые за кулисами. Если ты корреспондент, то это относительно безопасно, например, политические новости...

— Но тебе явно это не нравится, не обманывай меня, — Ци Фэйжань понял, что Линь Шисинь пытается уйти от темы.

Действительно, Линь Шисинь избегал его взгляда, его глаза бегали.

Ци Фэйжань:

— Ты не можешь быть спокойнее? Почему бы не заняться чем-то другим? Ты любишь писать, можешь стать писателем дома, или, если хочешь быть журналистом... Есть же журналисты, которым не нужно выходить на задания? Займись этим.

— Сидеть дома и выдумывать? Где ты видел таких журналистов? Без расследования нет права голоса, — возразил Линь Шисинь.

— Мне не нравится, что ты занимаешься этим, лучше брось сейчас, может, можно перевестись на другой факультет, китайский язык и литература — неплохой вариант.

— Если бы я мог перевестись, я бы выбрал право. Когда поступлю в университет, я всё равно буду изучать право, это поможет в журналистских расследованиях... — сказал Линь Шисинь.

— Не испытывай моё терпение, — встал Ци Фэйжань, его лицо стало холодным. — Когда я говорю спокойно, ты слушай, так будет проще для нас обоих.

Сейчас было время обеда, и они сидели на скамейке в студенческом парке за общежитием. Линь Шисинь с радостью показывал ему письмо, но вдруг атмосфера снова накалилась.

Линь Шисинь, видя, что Ци Фэйжань снова начал дурить, усмехнулся:

— У меня есть предложение.

— Какое?

— Купи себе надувную куклу, она точно будет тебя слушаться.

Ци Фэйжань замер, сделав шаг вперёд.

— Ци Фэйжань, если ты снова ударишь меня, я точно не прощу тебя, — Линь Шисинь не сдавал позиций, но украдкой отступил на два шага.

Ци Фэйжань с трудом сдержался, затем сказал:

— В прошлый раз я себе сказал, что больше не буду тебя бить, ты слишком хрупкий, если что-то случится, восстановление займёт много времени... Но, кстати, Линь-журналист, такой храбрый и непобедимый, почему не может выдержать один удар и лежит в постели две недели? Разве не умрёшь на передовой во время расследований?

Линь Шисинь собрал письмо со стола и пошёл к учебному корпусу:

— Я стану сильнее, не беспокойся.

Смотря на его спину, Ци Фэйжань сказал:

— Шисинь, мне не нужен герой, добившийся славы и богатства, мне нужна только нежная и понимающая жена.

Линь Шисинь не обернулся:

— Дорогой, познакомься с надувной куклой, 618 — скидка 50 % и бесплатная доставка.

—

После середины мая в городе Ин начался сезон дождей. Бесконечные дожди и серое небо делали настроение людей мрачным.

Линь Шисинь с зонтиком пришёл из западного района Ин в центр города, вышел из метро и зашёл в кафе. Войдя, он огляделся, и Чэнь Миншэн, сидевший в углу, помахал ему.

— Не ожидал, что ты придёшь, — Чэнь Миншэн протянул Линь Шисиню меню.

— Не ожидал, что ты позовёшь, я пришёл посмотреть, что за чушь ты несёшь, — Линь Шисинь, чтобы доказать свою «зрелость», отказался от молочного коктейля и заказал американо.

Чэнь Миншэн улыбнулся:

— Тогда скажу прямо: Ци Фэйжань должен уехать за границу, и ты должен мне помочь, чтобы он ушёл.

Линь Шисинь усмехнулся:

— И я должен тебе помочь? Ты что, на Луну собрался?

Чэнь Миншэн сказал:

— Ты действительно крут, единственный сын корпорации Доу, а ты его довёл до такого.

— О, значит, это ты пришёл требовать справедливости для своего любовника? — Линь Шисинь закатил глаза.

Чэнь Миншэн удивился:

— Ты... как ты узнал?

— Я видел тебя с ним в отеле, вы выходили один за другим, — Линь Шисинь однажды случайно увидел Доу Ци и Чэнь Миншэна в отеле. Доу Ци шёл впереди, с довольным лицом, как будто только что поел, а Чэнь Миншэн, держась за одежду, с трудом шёл, явно получив травму. По их виду сразу было понятно, что произошло.

Чэнь Миншэн, увидев презрение в глазах Линь Шисиня, рассердился:

— Это всё из-за тебя!

— Какое это имеет ко мне отношение? Ты спал с его отцом, потом положил глаз на сына, а потом ещё и с кем-то другим... Честно говоря, ты просто перевернул моё представление о мире... — Линь Шисинь, восстановив способность говорить, наслаждался процессом, его слова лились потоком.

[Авторское примечание: Вечером слишком устал, в будущем буду публиковать в семь утра.]

<http://bllate.org/book/17671/1647175>